

ЛИТЕРАТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛНОТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Игорь Иванович Сулима,
*профессор кафедры философии Нижегородского
государственного педагогического университета
им. К. Минина, доктор философских наук*

Литература в русской (российской) культуре занимает особое место, она — беспокойная душа этой культуры, отражает присущее человеку противоречивое стремление к красоте, добру, справедливости, правде и одновременный конформизм, корыстность, жестокость.

- человек • литература • культура • воспитание • красота • идеал • понимание
- чтение • сочинение • постмодернизм

Именно литература концентрирует в себе глубокую религиозность человека и способность его так заигрывать с дьяволом, что последний становится чуть ли не положительным героем. Именно в русской литературе общественная жизнь отражается так ярко и явственно, как ни в каком политологическом исследовании, как ни в каком доносе царской охранки.

Наша классическая литература концентрирует в себе существо национальной эстетической позиции, тесно связанной с православной традицией. Именно слово, слово, обращённое одновременно и к Духу, и к Богу, и к Родине, и к Гражданину, и к Истории, и Миру, и Царю, может выразить всю красоту человека, любви, веры, правды, самопожертвования,

надежды, природы. Через текст в большей степени выражена эта красота. Ибо она не столько внешняя, сколько внутренняя, духовная, сокровенная. Это красота не призывной, возбуждающей наготы, а смирения, спокойствия, внутренней духовной силы, наполненности. Это — красота труда и самоотречения. Это — жертвенная красота несущего крест. Язык русской литературы в своём становлении сформировал этот эстетический идеал и довёл его до русского мира. Образ этой красоты вербален; в силу своей духовной доминанты он не материализуется, не визуализируется. Можно, на наш взгляд, говорить о том, что российская музыка единственная, пожалуй, поднялась до способности донести эту красоту до человека. Но музыка не так доступна для народа.

Литература как искусство представляет мир по законам красоты. В этой связи видится её место в системе учебных

предметов. Как предмет она предназначена для воспитания гармонии в душе учащегося, обращения его к красоте, призвана побуждать стремиться к идеалам. Собственно, в формировании способности стремиться к идеалам и заключается существо воспитания.

Современное общество и его система образования, теоретики и практики уже поняли, что невозможно угнаться за стремительно разрастающимся объёмом научной и иной информации. **Надо учить учиться. На наш взгляд, этот подход стремительно исчерпывается,** так как при наличии этого навыка человек всё равно остаётся не у дел потому, что, во-первых, разобраться в нарастающей лавине информации и с этим навыком не удастся. Она так масштабна, внекритериальна, непредсказуема, что всё равно человек беспомощен перед ней. Во-вторых, сами инструменты познания, методологические подходы становятся весьма динамичными. Процессе извлечения знаний становится всё больше и больше. Поспеть бы человеку и за ним. Сами по себе эти знания слабо мотивируют к познанию, мало интересны учащимся.

В этой ситуации «феерия мелькания» знаний, методов, методик и самой действительности перед растерянным взглядом учащегося важно обратить его взор на что-то ступящее, вечное, сущностное и привлекающее, оставляющее по-настоящему равнодушным — на красоту. Именно в этот момент надо формировать навык вычленения красоты из массива, суетящегося и мелькающего перед взором. Важно сформировать способность получения удовольствия от соприкосновения с красотой. А это возможно в своей массовости, если красота находит отклик в обыденном сознании учащегося.

Несомненно, литература соответствует описанным условиям, так как представляет красоту доступными методами, способами, красками. Она описывает красивое, прекрасное инструментом, близким каждому — языком. Конечно, писатель пользуется такими разными средствами художественного изображения, как аллегория, аллитерация, анафора, антитеза, ассонанс, гипербола, градация, инверсия, ирония, композиционный стык, лексический повтор, литота, метафора, метонимия, многосоюзиe, окказионализмы, оксюморон, олицетворение, парцелляция, перифраз, ритори-

ческий вопрос, сарказм, синецдоха, синтаксический параллелизм, сравнение, умолчание, эллипсис, эпитет, эпифора и т.д. Учащийся в большинстве случаев может не слишком хорошо в них разбираться («митрофанушки» могут даже не представлять, что это такое), но стихия родного языка делает ситуацию принципиально доступной, принципиально понимаемой. Предпосылкой доступности литературы для понимания учащимся является и то, что её сюжеты (в отличие от сюжетов постклассической, т.е. современной) человечны, жизненны. Русская литература обсуждает вечные человеческие вопросы: невозможная и мучающая любовь, верное товарищество, тяжкий труд, оппозиционность власти, мера допустимого для человека, защита Родины, всепоглощающий долг, служение идее, сомнения в себе, любование скоротечной жизнью, зависимость от обстоятельств и т.д. Жизненность, традиционность сюжетов позволяет осуществлять познание совсем в ином контексте, нежели в обстоятельствах вечной погони учебных предметов за науками, стремительно прибавляющимися в объёме сведений и теоретичности. Классическая литература доступна и уму, и душе, и сердцу.

Язык литературы — родной язык — значительно ближе человеку, нежели специфические языки цифр и специальных знаков, на которых сообщают свои сведения математика, техника, физика, химия, биология, музыка и т.д. В этом плане литература как явление культуры наиболее адекватно по сравнению с другими дисциплинами трансформируется в учебный предмет и наиболее адекватна для понимания человеком. А в наше время постмодерна (порушенных идеалов классической науки, деконструкции всех и всяческих смыслов, эпохи абсурда, эклектики, цитатности, всепоглощающей интертекстуальности, неопределённости) очень важно, чтобы формирование человека шло в опоре на исконно человеческое, устойчивое, определённое, несомненное, традиционное.

Современная постмодернистская литература специфична, её воспитательное значение ещё только предстоит осмыслить. Процесс этого осмысления будет идти параллельно с процессом инкорпорации произведений постмодерна в литературу как искусство. Надо понять, в какой мере постмодернизм — искусство, в какой — рафинированная провокация (иногда тривиальное хулиганство, просто факт социального противодействия), в какой — форма самовыражения автора и ничего, кроме самовыражения графомана. И только после этого литература постмодерна как искусство и соответствующий раздел литературоведения вправе трансформироваться в учебный предмет, а взрослые вправе войти с этим учебным материалом к детям. Принцип гуманизма в этой ситуации особо настойчиво предостерегает: «Не навреди!»

Только утвердившись в искусстве, заняв своё место в народном сознании, получив общественное признание, проверенное временем, поколениями читателей, современная литература может претендовать на почётное место, которое называется «литература в школе».

Общество должно вести планомерную, непрекращающуюся работу по анализу современных произведений литературы на предмет возможности их включения в процесс изучения в школьном курсе, чтобы современные эстетические формы проникли в систему образования, были доступны молодому поколению. Юношество нужно питать свежим продуктом, свежим дыханием искусства, мотивировать его обращение к красоте актуальностью форм. При этом принципиально важно, чтобы эти формы современно отражали вечные смыслы, которые наполнены дыханием поколений. Юношество через обращение к современной литературе должно остро почувствовать свою личную связь с проблемами, идеями, нравственным напряжением искусства, связь с предшествовавшими поколениями. Сочетание современности и классики должны быть органичными для человека исторического. Это возможно только тогда, когда общество отберёт из современных произведений те, которые

смогут через десятилетия, столетия остаться востребованными. По сути, формулируется непосильная задача: определить, какие произведения современных авторов, отражая актуальную эстетику, станут классикой. Да, задача непосильная. Но её необходимо решать, потому что формирование личности активного, строптивного, свободолюбивого ученика, имеющего широкий доступ к огромному массиву информации, невозможно осуществлять только на основе литературы XIX века. Золотой век русской литературы уже слишком далёк от современного ученика. По крайней мере, *ему так кажется*. Опора только на классику кажется ребёнку скучной, занудной, нравоучительной (это для него однозначно плохая характеристика). Задача образования — увлечь учащегося вообще литературой, её глубиной мысли и лёгкостью стиля, формой, несущей красоту, её лиризмом и философичностью, её жизненностью и фантазийностью. А предпочтение эпохе, жанру, сюжету, стилю, автору и т.д. он сможет отдать сам. Задачей образования является увлечение воспитанника в осмысленное прочувствованное чтение, формирование понимания как базовой компетенции. Компетенции Человека. А дальше — пусть будет свободным.

Обдумывая вопрос о смысле жизни, классическая литература открытость человеческого бытия связывает со свободой человека, потому что свобода подразумевает нас как определённым образом полагающих себя в мире и незамкнутость этого мира. Связано это с тем, что свобода выступает как инициатор причины со-бытийности как открытости, выступает в качестве основы открытости. Свобода как причина необходима становящемуся человеку. Свобода есть то, что изнутри человека побуждает к проявлению себя. Эта внутренняя причина возможна лишь при условии наличия «внутренностей», т.е. при наличии сформированности у человека системы ценностей. Свобода представляет открытость ценностей внутреннего мира человека внешней сфере. Исходя из этого, образование, реализуя воспитательный потенциал классических

текстов, должно быть направлено на формирование базовых ценностей, нравственности учащегося. Это позволит человеку свободно открыть себя миру.

Отбор современных произведений для этого увлечённого чтения, будучи сверхзадачей (речь ведь не идёт о развлекательном «чтении», характеризующимся лишь занимательным сюжетом), должен быть изначально педагогически ориентирован. То есть произведения необходимо отбирать и в связи с их художественной ценностью, и в контексте ясно представляемого множества задач по формированию нравственного образа человека, его гражданственности, патриотизма, духовных ценностей. Пристальнейшее внимание надо уделять языку этих произведений. Он должен способствовать развитию речи учащегося, обогащать его лексику. При этом мы имеем в виду не столько неологизмы, сколько ставим задачу возвращения к богатству русского литературного языка, стремительно покидающего устный оборот повседневности и уже решительно покинувшего письменную речь в электронном общении. Решение такой задачи должно осуществляться в сотрудничестве специалистов, занимающихся проблемами языка, литературы, искусства, эстетики, педагогики, с одной стороны, а с другой, всего читающего сообщества — учителей, родителей, учащихся, любителей и знатоков литературы. Важно иметь формы организации продуктивного сотрудничества всех участников. Людей надо сплачивать не в коллективном шопинге знатоков прав потребителей, не в погоне за модными вещами, не в просмотрах перипетий «застекольников», строящих «отношения». Год литературы, провозглашённый в России в соответствии с Указом Президента России от 12 июня 2014 г. № 426 (<https://godliterature.ru/>), должен показать, что **отечественная литература может объединять людей, быть национальной идеей**, при том, что **социальность русской литературы имеет ярко гражданственный характер**. Объединяющая роль литературы должна проявиться при организационной поддержке органов управления образованием и профессиональной поддержке педагогического сообщества. Особой видится роль «Народного образования», способного быть постоянной научной, методической и информационной площадкой, координирующей усилия широкой педагогической общественности. Надо ясно понимать, что мощный потенциал отечествен-

ной литературы не реализуется сам по себе, автоматически.

Литература как общественное явление выступает в качестве мощного инструмента социального влияния и, следовательно, инструментом гражданского воспитания. Позиция русского писателя всегда в контексте отношений поэта и книгопродавца, властителя дум и монарха, гражданина и государства, интеллигента и власти. Наша литература без устали рисует общественный идеал. В этом побуждении к достижению идеала воспитательное значение литературы. Русская литература всегда напрямую говорила о долге гражданина, о его ответственности перед Родиной-матерью, перед царём-батюшкой, перед всем Миром. Этим она отличается от западноевропейской и восточной традиций. Она не о формальном равенстве, правах человека или об углублённом отрешённом самосозерцании. Русская литература всегда держит читателя в напряжении за судьбу Родины, за исход реформы, битвы, за защищённость границ, за счастье народа, за положение «маленького человека». В русской литературе герой лишний, из другого социального времени, он в чём-то вечно не «вписывается» в норму. Представление о норме — основа мировоззренческой позиции человека. Норма является показателем устойчивости, прочности, непрестанного повторения тех или иных принципов мировоззрения, свидетельством того, что те или иные взгляды закрепились в убеждениях человека и ими он постоянно пользуется, руководствуется в построении своих отношений к явлениям действительности. Русская литература всё время спрашивает о норме. Нормальны ли А.А. Чацкий, проходивец П.И. Чичиков? На Руси только и можно прожить «вертяться»? А нормальны ли его продавцы душ? Нормальна ли Анна Каренина, презревшая нормы общественного приличия, а в итоге отказавшаяся от всего? Нормально ли терпение Катерины из «Грозы»? Нормален ли Раскольников, вопрошающий себя

о Себе и ставящий чудовищный эксперимент, который совершенно адекватен вопросу, сформулированному им? Нормален ли Маресьев, ставший глубоким инвалидом, отдавший практически всё, что может отдать человек — здоровье — и рвущийся в небо, воевать, бить врага? Нормальны ли молодоговардейцы, сознательно шедшие на смерть в том возрасте, в том состоянии, когда хочется так много, когда не познано, ещё не прочувствовано так много, но тогда, когда уже совершенно отчетливо ясно, что жизнь интересна, полна, ярка, насыщена? Нормален ли дядя Стёпа, занятый такой рутинной, когда с его ростом можно запросто сделать карьеру в баскетболе?... Противоречия, живущие в этих вопросах, раскрывают противоречивую сущность человека. И эту противоречивость не раскрыть иначе, чем через проживание сомнений, страхов, радости этих героев в литературе.

Русская литература ярко повествует о жестокости русской общественной жизни. Работники на железной дороге у А.Н. Радищева, крестьяне у А.Н. Некрасова, офицеры у М.А. Булгакова, солдаты у Ю.В. Бондарева, односельчане, с ожесточением идущие друг на друга у М.А. Шолохова, селяне у В.Л. Василевской... — русская литература о веренице трагедий. Русская литература о социальной трагедии. Временами — оптимистичной, временами — героической. Временами — абсолютно рутинной. И всё время рефреном, как сказал классик: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». При этом русская литература не производит ощущения безысходности, даёт подрастающему поколению примеры для поведения в будущем. Русская литература ярко гражданственна. Она не оставляет читателя равнодушным к социальным обстоятельствам прежде всего через выбор типичного героя (и его очень разное окружение), через выбор типичных обстоятельств и разрешения их через боль, сомнения, переживания, гражданственность самого автора. «Поэт в России больше, чем поэт», как сказал другой классик. Удивительно, что эти слова сказаны так поздно — в середине шестидесятых годов прошлого ве-

ка. Это можно было сказать ещё во времена «Слова о полку Игореве». Неравнодушные — это то, что характеризует нашу литературу и определяет её центральное место в системе учебных предметов, центральное место в процессе воспитания. А постоянное обращение нашей литературы к историческим сюжетам и вовсе делает невозможным изучение истории в отрыве от изучения литературы.

Исключительно высокое, бесспорно ведущее место литературы в образовании не означает, что сам факт преподавания литературы решает все образовательные и воспитательные задачи в силу самого её потенциала. Потенциалу надо дать возможность реализоваться. Самое богатое на урожай культурное растение, имеющее мощную генетику, будучи высажено не в ту почву и обрабатываемое в рамках неверной агрокультуры, а то и вовсе брошенное в надежде, что сильная генетика сама по себе всё обеспечит и автоматически даст результаты, через какое-то время захиреет и будет давать всё более и более чахлые плоды. **Надо создавать условия для того, чтобы мощный педагогический потенциал отечественной литературы мог бы реализоваться.**

Например, надо активно продолжать работу по возвращению экзаменационного сочинения в школу. Оно возвращено в виде бледной тени сочинения на аттестат зрелости. В организационном плане статус сочинения принижен. Оно по баллам ниже ЕГЭ. И, что самое главное, оно по своим идеям не вписано в учебный предмет «Литература». Главной целью сочинения в 11-м классе провозглашается способность самовыразиться пишущему. Конечно, в опоре на примеры из литературных произведений, в опоре на судьбу и поступки литературных героев. Но, на наш взгляд, литература — такое значимое и самоценное явление в нашей культуре, такой фундамент национальной традиции, такое масштабное социальное явление, активно вмешивающееся в ход отечественной истории, такое прибежище для родного языка

в бурном море социокультурных «завихрений», такое яркое проявление в человеке человеческого, что совершенно верно учебная дисциплина «Литература» своим предметом имеет закономерности и особенности отечественной **литературы как явления мировой и национальной культуры, представляющей суть человеческой души**. Значит, и экзамен должен быть нацелен на литературу как культуру, ориентирован на взгляд учащегося на литературу как культуру. Культуру народа, а не на себя, любимого, и собственное самовыражение. Выпускной экзамен должен быть литературоведческим. Литература не должна привлекаться лишь для примеров в ходе самовыражения выпускника. Экзамен по математике ведь не предполагает ставить в центр самовыражение учащегося. Он резонно направлен на погружение в саму математику как универсальный язык науки, способный описать, исчислить любое природное и социальное явление, а не только высокую персону подростка. Именно это позволяет увидеть учащемуся красоту математического языка, его универсальность, его гениальность. Не себя выражать, не собой любоваться, а сосредоточить взгляд на достижении мировой культуры, коим является язык цифр и уравнений, сосредоточиться на способности поверить алгеброй гармонию. И эта способность увидеть красоту не в себе и собственном самовыражении, а в математических выражениях, собственно, и воспитывает.

Так почему литература воспринимается только как приспособление для самовыражения? Только гуманистически ориентированное самоценностное отношение к ней может дать серьёзные воспитательные плоды, позволит литературе как учебному предмету занять подобающее место в становлении человека. Учебный предмет должен быть сообразен природе человека и его культуре, а не выполнять вспомогательную функцию. Тем самым предмет будет в максимальной степени педагогически полезен. Педагогика должна работать не с эрзацем, выхолащивенностью, упрощённостью, а с подлинным, настоящим. Мы ведь хотим воспитать настоящего человека, работать с настоящими людьми. Нет ничего дороже детей.

Поэтому образование должно быть насыщено литературным чтением. Неспешным, спокойным, вдумчивым, негромким, с паузами. Без купюр и чтения «краткого содержания». Пора успоко-

иться. Мы не успеваем за потоком информации. И не успеем уже. В образовании что-то фундаментальное сменится: про его кризис пишут давно. Этот кризис — состояние исчерпанности классно-урочной формы. Школа эпохи И.Г. Песталоцци заканчивается. Но в реформаторском угаре, в энтузиазме разрушения, отрицания, виртуализации, компьютеризации нельзя отказаться от простых и гениальных возможностей традиционной педагогики. Из школы не должен уйти урок, на котором учитель читает не учебный, а подлинный текст произведения. Просто длительный период времени на уроке читает. Просто читает классический текст. Читает не впопыхах, не в оглядке на то, что надо ещё много успеть, много засунуть в головы учащихся. Читает. Читает выразительно. Чётко. Проникновенно. Переживая, иногда с комком в горле. Громко. И тихо там, где надо тихо читать. С паузами. Речь ведь не должна оглушать. В речи должны быть паузы. Думать ведь нужно. Речью, текстом можно быть очарованным. А как быть очарованным, если нет пауз и нет возможности насладиться улетающей, неспешно стихающей фразой, рифмой, стилем, образом, поступком героя. В этом плане интересен опыт, накопленный в колледже среднего образования Сент-Джон в г. Аннаполисе в США, где строительство учебного курса определяется изучением 130 классических текстов западной цивилизации. Необходимо строить образовательный процесс на базе языка, литературы и соответствующих воспитательных мероприятий. Можно говорить, что преимущество повествовательных текстов в том, что понимание их является одновременно в результате внутреннего диалога пониманием человеком самого себя.

В рамках образовательного процесса было бы важно организовать специальный курс, также пронизывающий всю систему образования, который был бы посвящён анализу одного-двух классических текстов (сообразно воспитательным

и образовательным задачам на той или иной ступени образования, в том или ином типе учебного заведения) в течение всего учебного года. Это был бы неспешный настоящий диалог с самим преданием, с мыслями, словами автора и его героев либо с «Книгой природы».

В классе должно быть неспешное чтение по ролям. Надо вжиться в образ героя, в его ситуацию. Только приняв позицию другого, пропустив её через своё мировоззрение, мироощущение, через фильтр своих ценностей, можно разделить или отвергнуть чужие ценности. Можно напитаться от литературы как культуры. Как проявления человеческого.

И читать нужно длительное время. Чтобы успеть вжиться, успеть почувствовать, начать сопереживать. Чтобы читать уже не «от себя», а уже от автора, от героя произведения. Чтобы нашим голосом зазвучали они. И если они поселились в нас, в нашей душе, то есть результат от чтения. Классно-урочная система даёт возможность открытого человеческого сопереживания в социуме (в социальном пространстве класса).

При этом литература очень современна. Речь идёт не о современной литературе, а о всеохватности литературы, в том числе в способности отслеживать тенденции. Литература (как и философия) охватывает всё мыслимое и немислимое. Она описывает и мир фантазий, вымышленных героев. Литература может быть сказочной, фантастической. Ведь для человека очень важно заглянуть по ту сторону реальности. Это очень важно для молодых людей эпохи прагматизма, эпохи потребительского отношения ко всему, заданности общественных процессов, удаления от изначальных смыслов демократии. Литература описывает и мир действительного, реального. Человеку очень важно остаться в мире реальности, в том мире, который адекватен человеческой телесности и естественности человеческой психики. Классическая литература очень внимательна к деталям этого реального мира, она богатейшая сокровищница для учащегося, формирующего своё отношение к природной, духовной и социальной реальности.

Литература была очень нужна человеку и остаётся им востребованной. Она нужна прежде всего для того, чтобы человек стал человеком и остался им. Поэтому гуманистически ориентированное образование не может не быть литературоцентричным. А это предусматривает, что:

1. Родная литература и родной язык — основа учебного курса средней школы с 1-го по 11-й класс. Это стержень образования.

2. Изучение иностранного языка помогает укрепить знания в области языкознания и ориентируется на знакомство с зарубежной литературой.

3. Курс истории для яркости и образности её восприятия, для усиления воспитательного эффекта тесно связан с курсом литературы.

4. Курс литературы активно поддерживается драматическими кружками, посещением театров; кино по произведениям русской классики остаётся «важнейшим из искусств» (при бережном отношении к литературному первоисточнику).

5. Чтение русской классики должно сопровождаться для усиления образно-эмоционального восприятия соответствующим музыкальным рядом. Образование вообще должно иметь художественный характер. Это человекосообразно.

6. Процедура понимания должна быть центральной в процессе изучения литературного произведения. Понимающие подходы (диалог как элемент понимающих подходов, как элемент герменевтической методологии мы анализировали на страницах этого журнала в № 9 за 1997 г.) должны стать методологической основой гуманистически ориентированного педагогического процесса.

А в результате такого отношения к литературе можно сделать шаг к педагогике, основывающейся на явлениях, близких природе человека, его традиции. И Год литературы в России этому должен поспособствовать. **НО**